

УДК 165:378

О.Д. Маслобоева

ОРГАНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ КАК ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

МАСЛОБОВА Ольга Дмитриевна – доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; кандидат филологических наук.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

e-mail: masloboeva.o@inbox.ru

Стержень культурной идентичности заключается в национальном самосознании, которое формируется в процессе приобщения к отечественной философской культуре как определенная система ценностей и идеалов. Истина в системе общечеловеческих ценностей и идеалов играет ключевую роль в процессе самоопределения личности. В статье впервые раскрывается отечественная концепция истины, выработанная неформальным сообществом российских органицистов и космистов и соответствующая вызовам современной эпохи с ее насущной потребностью в мировоззренческой переориентации от созерцательного (механистического) к деятельностно-диалектическому (органическому) мировоззрению.

РОССИЙСКИЙ ОРГАНИЦИЗМ И КОСМИЗМ; ОРГАНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ; ОТЕЧЕСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ; СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ТИПЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ.

Образовательное пространство человека, понимаемое в его сущности, представляет собой процесс *формирования образа личностной индивидуальности*. При этом необходимо различать образовательное пространство в широком смысле, которое включает в себя все формы социализации и культуру в ее целостном содержании, и в узком, подразумевающим институционализированные формы получения общеобразовательных и специализированных профессиональных знаний. Прежде всего, именно широкий контекст образования подразумевает наличие образцов как идеала для формирования личности в конкретно-исторических условиях. Идея, как известно, в переводе с древнегреческого означает «первообраз». В идеале школа, вуз призваны не ограничиваться узкоспециализированными задачами (передать определенную сумму знаний и т. п.), а прививать систему ценностей и идеалов, без которых личностная индивидуальность состояться не может. При этом необходимым условием данного процесса выступает привитие культурной идентичности, поскольку общечеловеческая

система ценностей преломляется сквозь призму национального менталитета.

Цель данной статьи – раскрыть специфику отечественного понимания такой ценности, как истина, ибо она синергетически объединяет общечеловеческие ценности, центрируя всё их конкретное содержание. Образование в узком его понимании, давно ставшее непрерывным, опираясь на широкий культурный контекст, несет колоссальную ответственность за выработку ориентации человека в системе координат «истина – заблуждение» и привитие иммунитета на ложь, извращающую правду.

Следует сразу подчеркнуть, что в русском языке «истина» и «правда» принципиально дифференцированы, раскрываясь каждая в своей системе координат. Исследователь в теоретической деятельности, как и любой человек в своих жизненных поисках, имеет право на заблуждение; в то же время знание правды подразумевает недопустимость подмены ее ложью, выступая своего рода нравственным табу. Как утверждал Василий Шукшин, «народ знает правду», связывая тем самым правду

с народной мудростью, основанной на многовековом повседневном опыте и природной смекалке. В английском языке, обладающем статусом международного средства коммуникации, «истина» и «правда» не дифференцированы и обозначаются одним и тем же понятием — «truth», в то же время «заблуждение» и «ложь» различаются: соответственно «error» и «lie». Данный феномен востребует от филологов и специалистов в области философии языка внимания и углубления в эту проблему. Но, так или иначе, уровень смысловой рефлексии в отечественной и западной ментальности по поводу такой жизненно значимой и центрирующей внутренней духовный мир ценности, каковой выступает истина, принципиально различен.

Отечественная концепция истины сложилась как результат единства актуализации специфики российского менталитета и освоения потенциала мировой философской мысли в контексте евразийского синтеза, также обусловленного особенностями нашей национальной духовности, эволюционирующей в пространственно-временных координатах российской истории. Специфика отечественного миропонимания наиболее глубоко отрефлексирована представителями российского органицизма и космизма. Органицизм — это философское направление в русской культуре XIX–XX вв., исследующее любой феномен единого природно-социального организма как «органическое целое», т. е., говоря современным языком, как самоорганизующуюся систему, выступающую в роли «субстанциального деятеля». Органицизм берет начало с трактата А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» и формирует внутреннее единство полярных направлений русской философии XIX в.: западников и славянофилов, революционных демократов и почвенников. Основные представители органицизма — Д.М. Велланский, А.И. Галич, А.А. Григорьев, А.С. Хомяков, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.Ф. Одоевский, В.С. Соловьёв и др. Органицизм обуславливает рождение космизма как выражение русского духа, вышедшего на протяжении всей эволюции отечественной культуры, которая характеризуется относительной, в сравнении с «дряхлыми» Востоком и Западом, исторической молодостью.

Космизм, будучи в своем содержании особым смыслообразующим контекстом русского мира, Вселенной русской души, выступает философским направлением со своим предметом и методом. Предмет: космическая функция человека, который из следствия саморазвития субстанции превращается в причину ее дальнейшего саморазвития. Метод заключается в философско-антропологическом проекте, разработанном в своем теоретико-мировоззренческом содержании представителями российского органицизма, исследование текстов которых позволяет выделить систему основополагающих принципов: всеобщности жизни, целостности, естественности, деятельностного подхода к единому природно-социальному организму, гармонии и антиномичности в познании и практическом освоении мира. Уникальность русского космизма как современного философского направления в отличие от всех западных «модных» направлений, таких как экзистенциализм, позитивизм, персонализм, феноменология, герменевтика и т. п., в том, что стратегия жизнедеятельности в сложившейся исторической ситуации разрабатывается со всех возможных мировоззренческих позиций: научной, религиозно-философской и художественно-эстетической. Основные представители научной ветви русского космизма: Н.Ф. Федоров, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, Н.Г. Холодный, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.; религиозно-философской ветви: Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др.; художественно-эстетической ветви: В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин, Ф.М. Достоевский, П.А. Флоренский, А.Л. Чижевский, А. Белый, композитор А. Скрябин, В.Я. Брюсов, В.В. Хлебников, Н.А. Клюев, П.Н. Филонов, Н.А. Заболоцкий, М.М. Пришвин, А.П. Платонов и др.

Разрабатывая стратегию выхода из современной апокалиптической ситуации с учетом специфики отечественного менталитета, российские органицисты и космисты [См.: 1] уделяли пристальное внимание проблеме истины, охватывающей предметное поле данного философского направления во всей его содержательной полноте. Результаты проводимого отечественными мыслителями исследования адекватно обозначаются как органическая концепция

истины, в формирование которой по-своему внесли вклад все представители обозначенного философского направления. Однако особенно углубленно на проблеме истины сосредоточился Павел Александрович Флоренский, системно отразив общий контекст идейного богатства творчества отечественных мыслителей.

Целостное мировоззрение, развиваемое П.А. Флоренским, по его самооценке, «строится контрапунктически, из некоторого числа тем миропонимания, тесно сплоченных особою диалектикою, но не поддается краткому систематическому изложению. Построение его – характера органического, а не логического, и отдельные формулировки не могут обособляться от конкретного материала» [Цит. по: 2, с. 5–6]. За таким целостным мировоззрением закрепится наименование «органического», что отчетливо выразил практически одновременно с П.А. Флоренским другой деятель Серебряного века – Н.О. Лосский, обозначив в качестве «главных противоположностей, разделяющих представителей различных философских учений о мире», «неорганическое (механистическое)» и «органическое миропонимание» [3, с. 339, 340], которое Лосским также рассматривается как перспектива «построения гармоничного цельного мировоззрения» [Там же. С. 339].

В контексте зрелого единства органицизма и космизма П.А. Флоренский, разрабатывая многогранность своей концепции, включающей учение о пневмосфере и органопроекции, проблему соотношения культуры и цивилизации, философию языка, науки и искусства, выделяет концепцию истины как центральный аспект. В этом проявляется глубочайшая философская интуиция мыслителя, поскольку проблема истины действительно центрирует все поле философской рефлексии с точки зрения ее (философии) гражданской и исторической ответственности. Именно Флоренский внес основной вклад в становление органической теории истины в учении космизма. Основанием данной теории прежде всего выступает идеал целостного знания, вынашиваемый в отечественной культуре издревле как смысловое содержание общности и соборности русского духа. Отечественные мыслители раскрывают соборность как духовный организм, т. е. такую органическую систему, где каждый элемент существует для целого, а целое существует для

каждого элемента. Через соборность вызревает софийность русской культуры как ее смыслообразующий символ, выраженный в широком диапазоне: от глубинных состояний русской духовности до объективации в произведениях архитектуры. В философском аспекте софийность разворачивается как поиск не абстрактно теоретической, а живой мудрости, истины, красоты, блага, что предполагает интуитивно-эмоциональное постижение действительности и «особую эмоционально-акцентированную гносеологию сердца». П.А. Флоренский подчеркивал софийность истины как существенную характеристику российской ментальности: «Истина, как существо живое по преимуществу, – таково понятие о ней у русского народа. Не трудно, конечно, подметить, что именно такое понимание истины и образует своеобразную и самобытную характеристику русской философии» [4, с. 17]. Именно софийность обусловила практическую направленность и гражданственность отечественной философии.

Живая истина трактуется в российском органицизме и космизме как органическое, т. е. саморазвивающееся целое. Н.Н. Страхов, характеризуя гегелевскую философию, пишет, что движение его мысли, жизнь его логики «есть диалектика и представляет собою органическое развитие», «бесчисленными корнями» растущее в действительность [5, с. 122, 123]. Адекватность содержания истины познаваемой реальности – этот исконный атрибут истины раскрывается отечественными мыслителями как единый органический процесс саморазвития мира и мысли о нем. П.А. Флоренский в работе «У водоразделов мысли» в разделе «Диалектика» обосновывает, что необходимо «сделать Жизнь своим методом», и это «значит оживить мысль» [6, с. 128]. Именно Флоренский четко теоретически увязал диалектику и антиномичность истины. Не случайно в упомянутой уже работе «У водоразделов мысли» вслед за разделом «Диалектика» разворачивается раздел «Антиномия языка».

Антиномичность истины, многоаспектно исследованная П.А. Флоренским, предстает как вершина органического понимания истины, т. е. как наиболее глубокое и актуальное в современных условиях глобализации человеческой деятельности владение истиной. Сознательный поиск истины является прежде всего

функцией философии и науки. Флоренский, анализируя диалектику как антиномичность языка, показывает, что философия и наука, будучи противоположностями «в пределе» их устремлений, находятся в единстве взаимопроникновения: «Наука, жесткая и непреклонная по замыслу своему, на деле, в историческом своем раскрытии, имеет текучесть и мягкость. Философия же, подвижно-стремительная и гибкая... не чужда жесткой и догматической хватки. Есть и нечто диалектическое в науке, хотя она не диалектична по своему уклону, как есть нечто систематическое в философии, вопреки ее вражде духу системы. Философия и наука глубоко различны по направлению своей воли, но в своих осуществлениях они разнятся лишь мерою явленности каждого из обоих направлений» [6, с. 154]. Прогностическая интуиция П.А. Флоренского по поводу исторического раскрытия науки вполне оправдалась. Если механическая картина мира была не диалектична в принципе (все существует неизменно и изолированно), релятивистская — уже включает в себя диалектику относительного и абсолютного. Однако механистическая парадигма во многом самодавляет и на этапе неклассической науки, в результате принцип относительности абсолютизируется применительно к истине таким образом, что «у каждого своя истина», т. е. плюралистическая установка девальвирует в современной культуре саму идею истины. А между тем осуществляемый с рубежа 1960–1970-х гг. переход к постнеклассической научной картине мира глобального эволюционизма способствует полноценной диалектизации науки.

Антиномичность истины заложена в определенном отношении в самой этимологии понятия «истина», исследуемой в целостном пространстве человеческого языка: древнееврейское *эмет* имеет религиозный (сакральный) смысл, а латинское *veritas* — юридический (светский), древнегреческое *алетейя* — гносеологический, русское *истина* (от галагола «есть») — онтологический.

Истина как «органическое целое» есть «гнездо» антиномий. «Если Истина есть, — пишет П.А. Флоренский, — то она — реальная разумность и разумная реальность; она есть конечная бесконечность и бесконечная конечность, или, — выразюсь математически, — актуальная бесконечность, — бесконечное, мыслимое как

целокупное Единство, как единый, в себе законченный Субъект» [4, с. 43]. Потенциальная постижимость Истины как бесконечности актуализируется человеком в познании истины, поскольку он — причастник вечности, что специально в эпоху Ренессанса было отрефлектировано Н. Кузанским, на которого также ссылается Флоренский [Там же. С. 156–157]. Только человеческий разум, или интеллект, способен постигать мир целостно в единстве его противоположностей. В формуле «Истина есть интуиция-дискурсия» П.А. Флоренский раскрывает эту способность разума по-своему: «*Дискурсивная интуиция* должна содержать в себе синтезированный бесконечный ряд своих обоснований; *интуитивная же дискурсия* должна синтезировать весь свой беспредельный ряд обоснований в конечность, в единство, в единицу. *Дискурсивная интуиция* есть интуиция дифференцированная до бесконечности; *интуитивная же дискурсия* есть дискурсия интегрированная до единства» [Там же. С. 43]. Получается, что истина есть интуиция, которая доказуема, т. е. дискурсивна. В этой мысли П.А. Флоренского содержится важнейший аспект органической теории истины: антиномичное единство рационального и иррационального.

Однако стержневой аспект рассматриваемой теории заключается в стремлении органицистов и космистов преодолеть разрыв между субъектом и объектом, что связано с природой языка, содержащего «антиномию объективности и субъективности слова».

Благодаря атрибутивным свойствам человека, связывающим его с вечностью, он как субъект познания преодолевает пропасть предельной противоположности между собой и объектом познания. Исследуя антиномичность субъект-объектных отношений, космисты опираются на единство рационального и иррационального в процессе познания. Так, Н.А. Бердяев писал, что философия не объясняет, каким образом разум может проникнуть в действительность, как во что-то чуждое и инородное, постигнуть ее и ассимилировать в себе: «Это — чудо из чудес, величайшая тайна, над которой билась философская мысль с древнейших времен» [7, с. 295]. Бердяев раскрывал эту тайну таким образом, что субъект и объект являются сторонами чего-то единого, существующего до разделения на субъект и объект. В концепции

Бердяева это изначальное единство есть некая первоначальная духовная стихия, которую он воспринимает как мистику. Истина, по Бердяеву, это состояние субъекта, где для него нет ничего чуждого, «внеположенного». Н.О. Лосский то же самое единство субъекта и объекта раскрывает по-своему: «Знание есть не копия, не символ, не явление действительности в познающем субъекте, а сама действительность, сама жизнь» [8, с. 327]. Для П.А. Флоренского связь субъекта и объекта — это «трансубъективная реальность бытия», которая непосредственно открывается знанию как подлинная расширенность субъекта и соединение его энергии с энергией познаваемой реальности. Таким образом, целостность истины — это единство субъекта и объекта, взаимодействующих как энергетически сообщающиеся сосуды.

Еще один важный аспект антиномичности истины заключается в диалектике естественного, порожденного культурой, и искусственного, сконструированного цивилизацией, что исследуется П.А. Флоренским в его теории органопроекции. Напряженное противоречие между естественным и искусственным разворачивается в процессе деятельности социального субъекта, которая, в свою очередь, организуется в полярных координатах необходимости и случайности.

Итак, истина как органическое целое есть антиномичное единство субъекта и объекта, рационального и иррационального, естественного и искусственного, необходимости и случайности и т. п. Поэтому П.А. Флоренский неоднократно утверждает, что «истина есть антиномия» [4, с. 148, 152]. Раскрывая истоки антиномичности мышления, связанные с диалектикой, в античной и ренессансной культуре, Флоренский подчеркивает, что «самое слово „антиномия”, как философский термин, — происхождения весьма позднего, а именно появляется не ранее Канта, да и то — только в „Критике чистого разума”, т. е. в 1871 году. До того же времени это был юридический и, отчасти, богословский термин» [Там же. С. 153]. Именно Канту принадлежит разработка антиномичности как принципа бытия и мышления, выступающего методологическим фундаментом перехода от классической философии и науки к современной. Историческая потребность, обусловившая данный переход, связана с ра-

дикальным изменением места человека в мире в результате промышленной революции рубежа XVIII и XIX вв. и начавшейся глобализации человеческой деятельности. Антиномия, по Канту, это два противоположных суждения об одном и том же, каждое из которых доказывается как в равной степени истинное или как в равной степени ложное. Система кантовских антиномий содержательно обеспечивает смену механистической парадигмы на диалектическую. По итогам промышленного переворота актуальным становится деятельностный тип мировоззрения, который на основе диалектики необходимости и случайности актуализирует свободу выбора социального субъекта, а значит, и его ответственность. Историческая потребность перехода от созерцательного типа мировоззрения к деятельностному [9, с. 240] от-refлексирована в учении российского органицизма и космизма, и конкретно в органической теории истины, вершиной которой является учение П.А. Флоренского об антиномичности истины. То, что в контексте созерцательного типа мировоззрения осознается как внутренняя противоречивость всего существующего, в контексте деятельностного — оборачивается антиномией, ответственность за разрешение которой берет сам действующий субъект.

Следует подчеркнуть, что одновременно с Кантом и независимо от него основоположник российского органицизма А.Н. Радищев разработал антиномичность как принцип бытия и мышления, но не абстрактно теоретически и даже не используя сам термин «антиномия», а как животрепещущую проблему судьбы человеческой души. Во второй книге своего трактата «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев, используя имеющиеся на конец XVIII в. философско-научные знания о человеке, доказывает, что душа человека смертна; в третьей книге на основе той же совокупности знаний доказывает, что она бессмертна. В заключительном разделе трактата российский просветитель обосновывает, что только от самого человека в процессе его жизнедеятельности зависит, как он разрешает эту антиномию и на что обрекает свою душу: на вечную жизнь или на вечную смерть. Выразительным аккордом звучит эта идея в заключительных строках трактата, подчеркивающих важность осознания человеком необходимости принятия всей меры ответст-

венности за результаты своей деятельности: «Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь... что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устранишься или нарушить невозможно; зло, тобою соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта» [10, с. 554]. Приняв концептуальную эстафету в соборном сотворчестве отечественных мыслителей, П.А. Флоренский в зрелом единстве органицизма – космизма полноценно отрефлексировал имплицитно представленную в трактате А.Н. Радищева антиномичность истины в контексте деятельностного типа мировоззрения.

В целом в русском космизме раскрывается глобальная антиномия современной исторической ситуации: это апокалипсическая альтернатива между самоуничтожением или самовозрождением человечества на качественно новом уровне. Социальный субъект обладает в равной степени антропологическими способностями и технологическими возможностями для реализации обеих противоположных исторических тенденций. Космическая функция человека заключается в разрешении апокалипсической альтернативы – антиномии. В концепции Всеединства, заложенной Н.Ф. Федоровым и разрабатываемой П.А. Флоренским в сотворчестве с В.С. Соловьёвым, Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком, обосновываются необходимые и достаточные условия созидательного разрешения обозначенной исторической альтернативы. Необходимое условие самовозрождения человечества на качественно новом уровне заключается, говоря современным языком, в синергии всех элементов духовной культуры: философии, науки, религии, искусства, морали и политико-правового сознания, что в контексте концепции Всеединства выражено как органическое единство Блага, Истины, Красоты и Справедливости. Достаточное условие, в свою очередь, заключается в осознании единства человеческого рода.

Глубинный смысл данных условий также основан на антиномичности. Осознанное единство человеческого рода достижимо как результат разрешения глобальной антиномии западной и восточной ментальности. Истина,

по утверждению П.А. Флоренского, есть «целокупное Единство, как единый, в себе законченный Субъект» [4, с. 43]. Синергия элементов духовной культуры содержит паутину антиномий, складывающихся из искомого единства противоположностей науки и философии, науки и религии, науки и искусства, философии и религии, морали и политико-правового сознания и т. п. «Истина, Добро и Красота, – пишет П.А. Флоренский, – эта метафизическая триада – есть не три разные начала, а одно. Это – одна и та же духовная жизнь, но под разными углами рассматриваемая».

Не случайно российские органицисты в XIX в. исследовали практически все элементы духовной культуры как органическое целое, а русский космизм, обладая концептуальным единством, разработан в трех ветвях, охватывающих все возможные мировоззренческие позиции в процессе разрешения апокалипсической альтернативы. Тот факт, что П.А. Флоренский воплотил в своем творчестве единство трех ветвей русского космизма, свидетельствует об универсальности его понимания антиномичности истины; причем им самим это было осознано, поскольку, по мысли Флоренского, человек проникается Духом Истины, «когда сознание подымается над «двойною гранью пространства и времени» и входит в вечность... воспринятое и усвоенное тварью, знание Истины ниспадает во время и в пространство, – во время многообразия личного и в пространство многообразия общественного» [Там же. С. 143]. Таким образом происходит объективация Духа Истины в жизнедеятельности человека, и он становится способным реализовывать постигнутые им истины. По учению Флоренского, человек существует настолько, насколько он обладает истиной: «Существование истины есть лишь иное выражение самого факта существования твари, как таковой, т. е. как лежащей личным многообразием во времени и общественным в пространстве. Наличие истины равна наличности твари» [Там же].

Актуальность овладения антиномичностью истины в XX в. проявилась в том, что по-своему эта проблема исследовалась в противоположных по своей сути философских направлениях: в русском космизме, который ищет безусловные смыслы человеческого существования, и в позитивизме, который в принципе отказывается

от каких бы то ни было смыслов в выявляемых причинно-следственных связях. Выработанный К. Поппером принцип фальсификации, в соответствии с которым истинным считается только опровержимое научное положение (истинна та теория, которая столь же успешно опровержима, сколь успешно она была доказана), выражает ту же антиномичность, но, можно сказать, обходными путями. В то же время П.А. Флоренский выражает данный критерий истины более «экономно», что собственно соответствует принципу «экономии мышления» самого позитивизма: *«истина есть суждение само-противоречивое»* или *«истина есть антиномия и не может не быть таковою»* [4, с. 147]. Большая степень отрефлексированности принципа антиномичности в российском органицизме — космизме объясняется тем, что данное философское направление является продуктивным преемником закономерных теоретических тенденций мировой и отечественной философской мысли. В то время как позитивизм изначально отказался от концептуальной преемственности с философским наследием предыдущих эпох: точная конкретная наука сама себе философия.

В своих текстах П.А. Флоренский блестяще демонстрирует содержательно критическое отношение к идеям предшественников. Творчески переработав в новых исторических условиях антиномичность Канта, российский мыслитель воспринял и оборотную сторону данного принципа, а именно агностицизм, который не редко и в современных трактовках искажается в своем содержании: чаще всего его путают со скептицизмом, от которого решительно отмежевался Флоренский в своем учении об истине. Агностицизм — это учение о **принципиальной** непознаваемости мира, т. е. о том, что сущность объективной реальности как «вещь в себе», по Канту, в принципе непознаваема. Немецкий классик, по сути дела, обратил внимание на тривиальную по современным меркам истину: нельзя познать объект, не взаимодействуя с ним. В контексте классической науки, когда до промышленного переворота мощь воздействия человека на мир была ничтожно мала, допустимой являлась такая погрешность, как отсутствие учета влияния познающего субъекта на познаваемый объект. Соответственно после промышленного переворота такая степень погрешности стала недопустима. В результате принципиальная не-

познаваемость оборачивается принципиальной познаваемостью: мир в принципе познаваем как объективно-субъективная реальность, т. е. как результат воздействия субъекта на познаваемый объект в соответствии с уровнем развития социальной практики.

Таким образом, от того, какова мотивация субъекта, какими ценностями и идеалами он руководствуется, зависят содержание реализуемой истины и, следовательно, направленность изменения этого мира. Так, например, современная наука трактует природу света как квантово-волновую, т. е. одновременно прерывистое и непрерывное существование материи. В контексте созерцательного типа мировоззрения это означает внутреннюю противоречивость природы света, но в контексте деятельностного — это означает, что социальный субъект способен, как джина из бутылки, технологически вызывать к жизни одну из противоположных сторон природы света, исходя из своих социальных целей и задач. Лазерные технологии объективируют волновые свойства света. При этом лазер может быть использован продуктивно в промышленности или в медицинских целях, а может — аналогично гиперболоиду инженера Гарина. Сущность деятельностного типа мировоззрения здесь налицо: это необходимость осознания всей меры ответственности человека за свой выбор и реализацию освоенных истин.

Бездуховность в понимании истины как платформа позитивизма приводит к современному конструктивизму, основанному на том, что истинной является та теория, технологическое воплощение которой дает желательный для субъекта результат. Конструктивизм не диалектически разрешает антиномичность истины в координатах «естественное» — «искусственное», когда абсолютизирует последнее: в результате социальный субъект утрачивает ощущение реальности сопротивления окружающей его действительности. Преимущество искусственного в том, что оно способно во временном, преходящем и ограниченном бытии схватить саму вечность и бесконечность. Но когда искусственное абсолютизируется и претендует на подмену вечности и бесконечности временностью и ограниченностью, социальный субъект начинает творить противоестественное, и это путь биороботизации и самоуничтожения человечества.

Антиномичность и агностицизм истины в органической теории космизма осваиваются в целостном духовном контексте жизнедеятельности человека: «Я не знаю, есть ли Истина, или нет ее. Но я всем нутром ощущаю, что **не могу** без нее. И я знаю, что если она есть, то она — всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье» [4, с. 67]. Если в конструктивистской парадигме истина заточена исключительно на комфортно технологическое существование, то в органицизме и космизме Истина — это синергия Блага — Красоты — Святости — Справедливости. Истина — это сама жизнь: «Мы совершаем *открытия* именно тогда, когда руководимся реальной синтетической необходимостью, что значит *следовать* за потоком реальной жизни самой природы, развертывающей все новые и новые формы бытия. Мало того, мы *понимаем* открытую нами действительность именно потому, что реальное присутствие ее в процессе знания дает нам возможность следовать за реальным потоком ее жизни» [8, с. 329].

В контексте органицизма — космизма обосновывается недопустимость в процессе жизнедеятельности человека односторонней абсолютизации научной истины, религиозного фанатизма, эстетизма, морализаторства, правового формализма, политиканства, смысловой индифферентности — всё это ведет к бездуховности, убивает жизнь, а значит, и самого человека. Истина как «перводвигатель всякого разума» [4, с. 143] призвана обеспечить поиск органической целостности всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Это идеал жизни, который достигим благодаря деятельности человека, вносящего — посредством осознания антиномичности бытия и процесса познания — целесообразность в мироустройство.

Пути достижения данного идеала жизни раскрываются П.А. Флоренским в его учении о Всеединстве, органопроекции, пневмосфере, представляющим собой единый софийный замысел. Сущность органопроекции заключается в идее проецирования активной целесообразности организма в механизм природы посредством технического творчества, выступающего способом самопознания человека. Идея проективной функции органопроекции вырастает у Флоренского в гипотезу существования пневмосферы — круговорота духа, имеющего

вещественное носительство индивидуальной прожитой жизни и также предназначенного для эволюции самопознания. Философия Всеединства у Флоренского носит богословский характер, представляя собой апофеоз личного восхождения от космологии к богословию, от изменчивого, противоречивого бытия к неизменному вневременному, т. е. к постижению Истины. Актуализация софийного замысла призвана формировать Богочеловечество как соборное существо, способное управлять собственной природой, целесообразно проецируемой в окружающий мир. В результате постижение Истины оборачивается обретением Свободы в космическом масштабе: «В конечном счете через посредство Софии Космос открывается Флоренскому в единстве и цельности как „многоединое существо“» [11, с. 109].

Таким образом, истина, которая, по учению Флоренского, есть антиномия, предстает как творчество, свобода, духовная жизнь и подвиг, высшая форма памяти и воплощение причастности человека к вечности и бесконечности: «Истина... есть вселенское... будучи здесь и теперь, она должна быть символом Вечности» [4, с. 145].

Сосредоточившись на разработке антиномичности истины, П.А. Флоренский способствует мировоззренческой переориентации социального субъекта в новых исторических условиях становления постиндустриального общества и техногенной цивилизации, а именно переходу от механистического и созерцательного в своей сути к органическому, диалектически деятельностному типу мировоззрения. Эта мировоззренческая переориентация — детище соборного творчества органицистов и космистов, в симфонии которого творчество П.А. Флоренского — незаменимый голос, всеми нитями и движениями своего духа связанный с исконными ценностями отечественной ментальности и идеями мыслителей — родственных душ. Говоря словами Н.О. Лосского, П.А. Флоренский в сотворчестве с мыслителями первой трети XIX в. — представителями русского Серебряного века — вносил «порядок и гармонию в груды завещанных» им «великих богатств», работая на «построение гармоничного цельного мировоззрения» [3, с. 339], центрированного органической концепцией истины, понимаемой как живое и жизнеспособное, действенное знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Маслобоева О.Д.** Российский органицизм и космизм XIX – начало XX в.: эволюция и актуальность. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2007. 292 с.
2. **Половинкин С.М.** П.А. Флоренский: Логос против Хаоса. М.: Знание, 1983. 63 с.
3. **Лосский Н.О.** Мир как органическое целое // Избр. М.: Правда, 1991. С. 337–480.
4. **Флоренский П.А.** Столп и утверждение истины // Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 839 с.
5. **Страхов Н.Н.** Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
6. **Флоренский П.А.** У водоразделов мысли // Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 446 с.
7. **Бердяев Н.А.** *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1907. 437 с.
8. **Лосский Н.О.** Обоснование интуитивизма // Избр. М.: Правда, 1991. С. 219–334.
9. **Маслобоева О.Д.** Глобальный тип мировоззрения // Глобалистика: междунар. междисципл. энцикл. словарь / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006.
10. **Радищев А.Н.** О человеке, его смертности и бессмертии // Соч. М.: Худож. лит., 1988. С. 428–554.
11. **Демин В.Н., Селезнев В.П.** К звездам быстрее света. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. М., 1993. 428 с.

O.D. Masloboeva

ORGANIC CONCEPT OF TRUTH AS THE BASIS OF CULTURAL IDENTITY

MASLOBOEVA Olga D. – *St. Petersburg State University of Economics*.

Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: masloboeva.o@inbox.ru

The core of cultural identity consists in national consciousness which is built in the course of familiarizing with domestic philosophical culture as a certain system of values and ideals. The truth in the system of universal values and ideals plays a key role in the process of self-identity. The article reveals for the first time the national concept of truth, produced by an informal community of Russian organicists and cosmists. This concept corresponds to the calls of the modern era with its vital need to reorient the world outlook from contemplative (mechanistic) one to actively dialectical (organic) one.

RUSSIAN ORGANICISM AND COSMISM; ORGANIC CONCEPT OF TRUTH; NATIONAL (DOMESTIC) SELF-CONSCIOUSNESS (IDENTITY); CONTEMPLATIVE AND ACTIVE TYPES OF WORLD OUTLOOK.

REFERENCES

1. Masloboeva O.D. *Rossiyskiy organitsizm i kosmizm XIX – nachalo XX v.: evolyutsiya i aktual'nost'* [Russian organicism and cosmism of the XIX – beginning XX centuries: the evolution and actuality]. Moscow, APK and PPRO Publ., 2007. 292 p. (In Russ.)
2. Polovinkin S.M. *P.A. Florenskiy: Logos protiv Khaosa* [P.A. Florensky: Logos against Chaos]. Moscow, Znanie Publ., 1983. 63 p. (In Russ.)
3. Losskiy N.O. *Mir kak organicheskoe tseloe* [The world as an organic whole]. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Pravda Publ., 1991. Pp. 337–480. (In Russ.)
4. Florenskiy P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [The pillar and ground of the truth]. *Sochineniya* [Works]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1990, 839 p. (In Russ.)
5. Strakhov N.N. [Organic categories]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2009, no. 5, pp. 116–124. (In Russ.)
6. Florenskiy P.A. *U vodorazdelov mysli* [The watersheds of thought]. *Sochineniya* [Works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1990, 446 p. (In Russ.)

7. Berdyayev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, social'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis. Experiments philosophical, social and literary]. St. Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1907. 437 p. (In Russ.)

8. Losskiy N.O. Obosnovanie intuitivizma [The rationale of intuitionism]. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Pravda Publ., 1991. Pp. 219–334. (In Russ.)

9. Masloboyeva O.D. Global'nyy tip mirovozzreniya [Global type world outlook]. *Globalistika* [Global studies:

international multidisciplinary encyclopedia]. Moscow, St. Petersburg, New York, 2006. (In Russ.)

10. Radishchev A.N. O cheloveke, ego smertnosti i bessmertii [About the man, his death and immortality]. *Sochineniya* [The compositions]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1988. Pp. 428–554. (In Russ.)

11. Demin V.N., Seleznev V.P. *K zvezdam bystree sveta. Russkiy kosmizm vchera, segodnya, zavtra* [To the stars faster than light. Russian cosmism yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 1993. 428 p. (In Russ.)